А.С. Мжельская[*]

МОТИВЫ ЗРИТЕЛЬНЫХ ОЩУЩЕНИЙ В НОВЕЛЛИСТИКЕ П. ЗЮСКИНДА

Статья посвящена мотивной организации малой прозы Патрика Зюскинда. В новелле «Die Taube» наиболее масштабно реализуется мотив «взгляд другого». Это произведение рассматривается в качестве модели новеллистической разработки важнейшего для Патрика Зюскинда мотива.

Проза Патрика Зюскинда и его пьеса «Der Kontrabaß» – литература, построенная на ощущениях. В романе «Das Parfum» главенствуют, несомненно, обонятельные ощущения, причем в качестве необычного таланта главного героя и как повествовательная стратегия. В монопьесе «Der Kontrabaß» слуховое восприятие действительности стало главным качеством героя, не представляющего свою жизнь без музыки и организующего даже свое жилое пространство по принципу надежной звукоизоляции. Черты хорошего «слухача» есть и у героя автобиографической новеллы «Die Geschichte von Herrn Sommer», который с удовольствием занимается музыкой, хорошо чувствует нюансы звучания фортепиано. Однако в новеллах П. Зюскинда преобладает все же зрительная сенсорика. Мотив зрительных ощущений и связанный с ним мотив «взгляд другого» является сюжетоорганизующими в новеллах «Die Taube» и «Die Geschichte von Herrn Sommer». Повествование цикла «Drei Geschichten und eine Betrachtung» базируется также на зрительных ощущениях, которые здесь выступают в варианте «мотив наблюдения».

В творчестве Патрика Зюскинда центральное место занимает проблема одиночества человека в результате глубинного отчуждения от других людей, мира в целом. Своеобразие сюжетной разработки Зюскиндом этой проблемы в новеллистике заключается в том, что писатель, как будто ограничиваясь изображением героя в чисто бытовых обстоятельствах, вместе с тем создает ситуацию, обладающую повышенной мерой необычности и своего рода «фантастичности» переживаний героя. Новеллистический эффект интересной необычности «случая» создается в том числе и благодаря особому заострению ситуации, так что она приобретает своего рода «метафизический характер», особую обобщен-

[*] © Мжельская А.С., 2007
Мжельская Александра Сергеевна – кафедра немецкой филологии Международного института рынка.

ность, связанную с радикальной разработкой одного из аспектов психологического состояния человека в ситуации отчуждения. Речь идет об особого рода художественной редукции состояния человека к его переживаниям, связанным с фундаментальными проблемами личности в состоянии отчуждения. Наиболее характерно здесь использование мотива «взгляд другого». Смысл этого мотива заключается в том, что самопознание, раскрытие героя для себя самого и окружающих происходит только в момент встречи со взглядами других людей. Сами герои словно открывают для себя этот мир заново, тщательно рассматривая его жителей. При этом повествование часто принимает характер углубленного анализа ощущений, испытываемых героями в момент созерцания и в те моменты, когда наблюдают за ними.

В рамках данной статьи мы попытаемся показать, как мотивы зрительных ощущений и «взгляд другого» реализуются через хронотоп и систему образов новеллы «Die Taube».

Алексей Зверев назвал сюжет новеллы кафкианским – «внезапная перемена всего порядка жизни, причем под воздействием событий, которые не поддаются сколько-нибудь рациональному объяснению» [1. С.256]. Фабула проста: герой новеллы встречается с голубкой на пороге своей комнаты, пугается до смерти, бежит из дома и, проведя ночь в отеле, возвращается утром домой и обнаруживает, что голубки уже нет. Зюскинд описывает жизнь одного абсолютно бесцветного обывателя Ионатана Ноэля, который всю жизнь прослужил охранником в парижском банке. Проблема состоит в том, что герой болезненно относится к нарушению собственного покоя. Главная характеристика его жизни, как нам кажется, заключена в емком зюскиндовском выражении «vollkommene Ereignislosigkeit» (полное отсутствие событий) [2. С.5]. Поэтому неудивительно, что появление голубки, случайно залетевшей в коридор пансиона, где живет Ионатан, вызывает у героя шок. И это связано не только с нарушением покоя героя, но и с тем, что он испытывает на себе *взгляд* птицы, которого действительно пугается. Встреча героя со взглядом голубки – кульминация и одновременно завязка действия. Именно после этой встречи события в жизни Ноэля начинают происходить. О значении этой событийности для героя можно судить уже по первой фразе повести: «Als ihm die Sache mit der Taube widerfuhr...» [2. С.5]. Автор выбирает для первой фразы повести глагол «widerfahren» (случаться, происходить), который замечателен тем, что употребляется только в письменной речи для обозначения происхождения событий действительно редкостных.

Ретроспектива жизни Ионатана дана в экспозиции произведения. Однако встречаются “возвраты” в прошлое. И не случайно эти «возвраты» иллюстрируют переживания героя по поводу увиденного им или по поводу встречи со взглядами других людей. Так, описывается ужасно неприятная для него встреча с соседом по комнате, которая произошла летом 1959 года перед дверями туалета: «Dies gleichzeitige Erschrecken vor dem Anblick des anderen, der gleichzeitige

Verlust von Anonymität bei einem Vorhaben, das durchaus Anonymität erheischte, das gleichzeitige Zurückweichen und wieder Vorangehen, die gleichzeitig hervorgehaspelten Höfligkeiten...» [2. С.14].

Настоящее Ноэля, а именно встреча со взглядом голубки, и то, что после этого последовало, представлено временным пластом, который можно обозначить как «реальное» время. Оно как бы «заполняет» все остальные элементы композиции. Если говорить о протяженности времени, то события повести с момента встречи со взглядом голубки укладываются ровно в сутки: утро и день на работе, ночь в отеле, утро возвращения домой, то есть в этом отношении Зюскинд соблюдает каноны классической новеллы, причем это реальное время часто детализируется, дается его точное указание: «Er sah auf die Uhr. Es war gerade Viertel nach sieben vorbei. Normalewiese war er um Viertel nach sieben bereits rasiert und machte sein Bett» [2. С.21]. Часто можно встретить описание времени в секундах: «Vielleicht fünf, vielleicht zehn Sekunden lang – ihm selbst kam es vor wie immer...» [2. С.21]. Такая детализация времени появляется тоже только после встречи со взглядом голубки. Как будто начинает работать счетчик, отсчитывающий минуты и секунды времени, оставшегося Ионатану для того, чтобы скрыться, убежать от взглядов посторонних глаз. В то же время читателю заметно, насколько детализирована и упорядочена вся жизнь Ноэля вообще. Благодаря подробным описаниям интерьера его комнаты, его режима дня, книг, которые он читает, людей, с которыми он вынужден общаться, перед читателем открывается до мелочей прописанная картина ноэлевского бытия, то есть читатели новеллы приравниваются к «наблюдающим», подобным, например зрителям пьесы Сартра, обозначенным как «невидимые» [3. С.90].

Пространство в новелле построено по принципу его освещенности и обозримости: свет, расположение или наличие окон, наличие определенного ракурса в том или ином месте играют важную роль. И хотя любимое пристанище героя – скоро «зарастет» вещами так, что станет напоминать раковину, «в которой накопилось слишком много перламутра» [4. С.16], Ионатан мечтает только о том времени, когда сможет вообще не покидать свою комнату. Немаловажным моментом среди детально описанного бытия героя является организация системы освещения в его жилище: «Ein ausgetüfteltes System von elektrischen Lampen sorgte dafür, daß Jonatan an drei verschiedenen Stellen seines Zimmers – nämlich am Fuß- und am Kopfende seines Bettes sowie an seinem Tischchen – sitzen und Zeitung lesen konnte, johne geblendet zu wrden und jhne daß ein Schatten auf die Zeitung fiel» [2. С.11]. Свет при рассматривании чего-либо просто необходим, и мы находим его почти повсеместно: впервые Ноэль увидел голубку в отблеске света, проникающего через окно; в ужасе покидая комнату с кучей вещей, он снова смотрит в тот угол, где должна сидеть голубка и констатирует: «Es fiel dort so wenig Licht hin, und Jonatan warf auch nur einen so kurzen Blick in ihre Richtung, daß er nicht erkennen konnte, ob sie schlief oder wachte, ob ihr Auge offen oder geschlossen war. Er wollte es auch gar nicht wissen. Er wollte sie am liebsten gar nicht gesehen haben»

[2. С.27-28]. Герой боится птицы, но все равно смотрит на нее и позже, почти покинув коридор пансиона. Будто специально он передвигается для того, чтобы сменить угол зрения, не пропустить ужасающего зрелища голубки и помета, оставленного ею на полу. Лучи света при этом падают так, как будто кто-то направляет его прожектором, как в цирке: «Die hellen Strahlen der Morgensonne fielen durch das Fenster und stachen einen scharf umrissenen Lichtblock aus dem Dämmerschatten des Ganges» [2. С.29].

Уже в начале новеллы появляются основные атрибуты обозримости всего происходящего: открытое *окно* в коридоре – признак соединенности с внешним миром, причастности ему; *свет* дает возможность хорошо видеть голубку, *глаза* – орган зрения человека и животного. Не случайно Ионатан так отчаянно напоминает консьержке о том, что окно в коридоре должно быть всегда закрыто, нелепо ссылаясь при этом на правила домового распорядка опять же из-за назойливых взглядов консьержки. Но на особое понимание от женщины, которая сутками сидит при неоновом *свете* и включенном телевизоре, то есть при искусственном освещении, герой не надеется.

Вполне вероятно, что желание Ионатана отграничить себя с помощью закрытых окон от внешнего мира и от взглядов других людей связано с особенностями его работы охранника в банке: он стоит целый день у всех на виду перед стеклянной бронированной дверью, которая служит своего рода защитой не только для банка, но и для него. В то время как его коллеги сидят у окошек в кассовом зале, поле их зрения ограничено либо пространством офисного помещения, либо размерами окошка. Он же как страж порядка и символ безопасности смотрит на всех и вся каждый день, в каждом посетителе подозревая преступника. Однако в день встречи с голубкой все, что он видит вокруг себя, раздражает его настолько, что он отказывается верить своим глазам: «Ihm war, als wären diese Augen gar nicht mehr die seinen, sondern als säße er selbst hinter seinen Augen und schaute durch sie hinaus wie durch tote, *runde Fenster*; <…>» (курсив мой. – А.М.) [2. С.84]. В этом состоянии героя Зюскинд сравнивает его глаза с окнами и с форточками, а значит орган зрения представляет собой некую преграду для получения чистого изображения всего происходящего и является своеобразной границей между сознанием и реальностью одновременно. Сам герой при этом как бы обезличивается. В тексте новеллы есть упоминание о том, что Ионатан все делал механически, и только его взгляд оставался живым. В финале «Die Taube» герой возвращается домой ранним утром и снова обращает внимание на окно: на этот раз оно закрыто, а обзору мешает слепящий столб света, занимающий теперь место голубки. Закрытое окно – символ порядка и стабильности жизни, а свет утреннего солнца теперь еще и согревает.

Окно как ограничение поля зрения и одновременно как граница между миром других людей и личным пространством героя встречается и в новелле «Die Geschichte von Herrn Sommer». По вечерам главный герой мальчик-рассказчик имел обыкновение выглядывать перед сном в окно то ли для того, чтобы после-

дить за тем, что делается на улице, то ли понаблюдать за господином Зоммером. С ним как раз и связан следующий эпизод, где окно играет роль границы: мальчик с отцом во время дождя предлагают господину Зоммеру подвезти его на машине, тот отказывается, и мальчик смотрит на Зоммера сквозь заднее стекло автомобиля. Потрясшие его тогда *глаза* чудаковатого односельчанина он еще несколько раз будет упоминать в своем повествовании: «Er hatte Blick zu Boden gesenkt und hob ihn nur alle paar Schritte, um mit weitaufgerissenen, gleichsam entsetzten Augen für einen Moment nach vorne zu starren und sich seines Weges zu versichern» [5. С.40].

Глаза в новеллах Зюскинда – очень емкий образ. В тексте новеллы «Die Taube» дано достаточно объемное описание глаза голубки, который напоминает герою линзу фотокамеры. Можно смело утверждать, что глаз как инструмент наблюдающего стал в этой новелле лейтмотивом. Ноэль, решив покинуть свой дом, трясется от страха снова увидеть голубку, вспоминает, что есть дикие звери, нападающие только тогда, когда *смотришь им в глаза*; а в момент переживания ужаса от увиденной голубки, который длится у Ионатана целых три четверти часа, он думает о том, что «заглянул в глаза смерти» [4. С.31], о том, что птицы умеют выклевывать *глаза*.

При описании внешности героев, с которыми Ионатан встречается, особенно тщательно опять же выделены глаза. Косьержка мадам Рокар и портниха мадам Топель – женщины, в чьих руках неожиданным образом оказывается жизнь Ноэля. Эпизоды с участием этих персонажей – описания самых ужасных моментов для героя. Обе женщины неприятны Ионатану, особенно мадам Рокар, каждое утро одаривающая его своим вниманием. Главному герою стоит огромных сил и выдержки, чтобы пройти мимо конторки консьержки. Тем не менее, именно мадам Рокар первой Ионатан, до смерти напуганный голубкой, сообщает о присутствии птицы в коридоре пансионата. Интересно, что только в утро встречи со взглядом голубки Ионатан впервые за много лет рассматривает лицо мадам Рокар: «Er hatte ihr Madengesicht noch nie von so nahe gesehen. Die Haut der Pausbäckchen schien ihm von großer Zartheit. Wie alte brüchige Seide, und in ihren Augen, braunen Augen, lag, wenn man sie aus der Nähe sah, nichts mehr von stechender aufdringlichkeit, sondern eher etwas Weiches, fast mädchenhaft Scheues» [2. С.35]. Мадам Топель в новелле «Die Taube» – персонаж эпизодический. К ней Ноэль обращается со своей очередной бедой: необходимо в кратчайшие сроки зашить форменные брюки, разодранные им по неосторожности. Портниха, перегруженная работой, не в силах выполнить его просьбу: «Und es gibt Bitten, deren vollständige Vergeblichkeit zutage tritt, wenn man sie äußert und dabei einem anderen Menschen in die Augen schaut. Jonatan schaute in die umschatteten Riesenaugen der Madame Topell und wußte sogleich, daß alles sinnlos war, alles aussichtslos, hoffnungslos» [3. С.71]. Однако перед тем как отказать Ионатану, она тщательно изучает прореху на его штанах. Это происходит опять же у всех на виду посреди супермаркета и провоцирует очередной приступ страха героя. В свою очередь,

этот момент мотивирует дальнейшее поведение героя и его страдания на посту, когда он буквально ненавидит весь мир глазами.

Обобщая все рассмотренные примеры, можно выявить повсеместное проникновение мотивов зрительных ощущений в сюжетно-композиционную структуру новеллы «Die Taube», в которой самым функциональным является, несомненно, мотив «взгляд другого».

Библиографический список.

1. Зверев, А.М. Преступления страсти: вариант Зюскинда / Алексей Зверев // Иностранная литература. – 2001. – № 7 – С. 256-262.
2. Süskind, P. Die Taube / P. Süskind, – Zürich: Diogenes Verlag, 1987. – 100 s.
3. Сартр, Ж-П. За закрытыми дверями // Ж-П. Сартр, А. Камю. Две грани экзистенциализма; пер. с франц. А. Каменской. – М., 2001. – С. 90-136.
4. Зюскинд, П. Голубка. Три повести и одно наблюдение / П. Зюскинд; пер. с нем. Э. Венгеровой. – СПб.: Азбука, 2000. – 256 с.
5. Süskind, P. Die Geschichte von Herrn Sommer. Mit Bildern von Sempé / P. Süskind, – Zürich: Diogenes Verlag, 1991. – 129 s.

Статья принята в печать в окончательном варианте 26.12.2006 г.

A.S. Mzhelskaya

VISUAL PERCEPTION MOTIF IN P. SÜSKIND'S SHORT STORIES

The article deals with the motif structure of P. Süskind's short stories. The motif «another person's look» is extensively realized in the short story «Die Taube». This short story serves a model to study the mentioned motif which proves to be the basic one in P. Süskind's prose.